

УЧЕНИЙ СВѢТЪ

Иллюстрированный Журналъ
для Дамъ

Годовая цѣна I-го изданія:

Съ 12 раскрашенными картинами:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 4 р. — к.

— съ доставкою 5 · 50 ·

Съ пересыпкою въ другіе города 6 · —

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

выходитъ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 политическими
рассуждениями въ текстѣ, съ 12 листами выкроекъ, 12 вымѣренными выкро-
кими въ натуральную величину и

12 или 24 раскрашенными картинами парижской моды.

Обложка журнала „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ подписана по каталогу Рединга и
издается пачкой до 10 штукъ со складомъ, какъ за границу.СОДЕРЖАНИЕ: За тронъ и жизнь. Исторический романъ Гильзъ. (Продолж.). — Пасленъ въ пищевикѣ. (Продолж.). — Женская любовь. Новелла. (Продолж.). — Нѣчто о жизни и дѣятельности
Франциса Фредерика. — Фельетонъ. — Сказка. — Описание вымѣренной выкроекъ № 6. — Продолженіе описания рисунковъ № 21. — Объясненіе.

За тронъ и жизнь.

исторический романъ Гильзъ.

(Продолженіе).

Барклай развернулся пергаментъ, снабженный печатью Иакова Стюарта, которая была заключена въ серебряной коробочкѣ. Барклай началъ: «Король привыкаетъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ къ оружью, чтобы испровергнуть правительство похитителей трона, вести противъ него кровавую войну, занять крѣпости и города». Дойдя до заключенія прокламации, Барклай вскрикнулъ голосомъ: «Мужи Англии», читалъ онъ, «король вашъ, знаю, конечно, что длань затѣяннаго дѣла не всегда бываетъ необходимостью въ большихъ войнахъ. Часто одинъ только человѣкъ, одна вѣрная рука, разумно направленная, приводитъ къ решительнымъ послѣдовательствамъ. Я уполномочиваю каждого изъ моихъ приверженцевъ мимоименемъ действовать противъ похитителя трона, Вильгельма Оранскаго, какъ этого требуетъ необходимость и служба законному королю, каковъ и есть и какъ предписывается долгъ всякому приверженцу, и изъявляю вѣрныхъ приверженцевъ Стюарта отъ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ стѣнченій въ отношеніи Вильгельма Оранскаго. Дано за нашей печатью въ Сентъ-Жерменъ, въ январѣ 1695 г. Яковъ II, король Англии, Ирландии и Шотландіи».

Изъ руки Барклай прокламация короля перешла въ союзникамъ. Между ними нашлись фанатики, которые цѣловали королевскую подпись. Бернікъ между тѣмъ всматривался въ Портрета. Когда Барклай прочиталъ заключеніе, Портретъ опустилъ голову съ довольной улыбкой — онъ понялъ. Говардъ послѣдний прочиталъ прокламацию — онъ съ почтѣніемъ возвращалъ ее Барклай.

— Несомнѣнно, произнесъ онъ. «Это королевскій приказъ — мы должны повиноваться; — несмотря на то, я еще разъ предложу вопросъ наше-
му высочеству: когда французская вспомогательная армия будетъ на английской террито-ріи?»

Бернікъ началъ досадовать, но превозмогъ себѣ. Онъ видѣлъ, что необходимость заставила бы уступчивымъ «Милордъ», возразить онъ,

на нашъ вопросъ не легко отвѣтить. Вы знаете, какія затрудненія могутъ замедлить прибытие арміи. Я думаю, что если приверженцы короля разъ-
воятся у оружіе, то въ состояніи будутъ про-
должаться до прибытия арміи Людовика въ Кентъ».

Лорды встали. «Это опасная игра», вскричалъ Кліффордъ, «мы знаемъ, сколько за пасъ, но памъ известно также, что и враги наши не мало-
числены. Вильгельмъ еще окружаетъ привержен-
цами — онъ сдерживается обѣй партіи — оранская имѣетъ очевидный перевѣсъ».

Бернікъ ждалъ этой минуты. Едва кончила Кліффордъ, какъ герцогъ быстро отвѣтилъ ему:

— Да, вы правы, милордъ! Враги имѣютъ оче-
видный перевѣсъ! Надо его уничтожить».

Эти слова подействовали на общество, какъ огонь, поднимавшій къ пороху.

— Успокойтесь, друзья! воскликнулъ Бернікъ.

— Вспомните слова короля. Разъ Иаковъ не сказалъ, что наше долгъ побѣждать дѣйствова-
ть противъ Оранца, какъ этого требуетъ служ-
ба королю! Разъ онъ не избавлялъ насъ отъ вся-
кихъ стѣнченій въ этомъ отношеніи? и такъ —
договоръ его, похитителя короны. Лордъ Кліффордъ

правъ: когда Вильгельмъ исчезаетъ, все разрѣ-
шится и въ моментъ всѣобщаго смущенія ваша

побѣда будетъ несомнѣнна — вы восстанете съ
оружiemъ въ рукахъ — король привнесетъ изѣ-
гіе въ Кале, что Оранецъ уже устремленъ, что

Гентриъ всѣ вѣрные якобиты восстанутъ — черезъ
нѣсколько часовъ прибудетъ французскій флотъ

и высадитъ на берегъ государя».

Вопиеніе уменьшилось; лордъ Говардъ произ-
несъ твердымъ и громкимъ голосомъ: что выше
высочество разумѣетъ подъ словомъ устремленія?

Бернікъ тотчасъ понялъ, что надо было дѣйствова-
ть очень осторожно; люди, такъ добросѣрдѣсто заботившіеся о жизни своихъ подданныхъ, едва-
ли рѣшились бы на убийство.

Хорошо, сказалъ герцогъ, «я скажу коро-
ко и ясно. Такъ какъ Вильгельмъ оранский наход-
ится во главѣ своихъ приверженцевъ, то надо
постараться его удалить, для того, чтобы шансы
были равны; это же лучше всего достигнуть
такимъ образомъ: захватить его и высадить изъ
Англии или запереть въ крѣпость».

Годовая цѣна II-го изданія:

Съ 12 раскрашенными картинами:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки 5 р. — к.

— съ доставкою 6 · 50 ·

Съ пересыпкою въ другіе города 7 · —

СОДЕРЖАНИЕ: За тронъ и жизнь. Исторический романъ Гильзъ. (Продолж.). — Пасленъ въ пищевикѣ. (Продолж.). — Женская любовь. Новелла. (Продолж.). — Нѣчто о жизни и дѣятельности
Франциса Фредерика. — Фельетонъ. — Сказка. — Описание вымѣренной выкроекъ № 6. — Продолженіе описания рисунковъ № 21. — Объясненіе.

Говардъ задохнулся. — Теперь ясно, произнесъ онъ; тогда, конечно, было бы легче произвести восстание; но кто на это отвѣтствуетъ? Наше пред-
приятіе съ сегодняшняго дня вступило въ новый фазисъ, благодаря новостямъ, сообщеннымъ ван-
шимъ высочествомъ, и прохождениемъ его величе-
ства, смыслъ которой совершенно понятенъ. Но
кто же, повторю я, отвѣтственъ на это дѣло?

— Я, сказала, по всему общему удивленію, Георгъ
Портретъ, вступивъ въ кругъ.

— Это онъ? это опять отважный Георгъ? Онъ
безумецъ! вскрикнули присутствующіе. Портретъ и
Харнокъ улыбались, также и Кингъ.

— Мы доказаемъ вамъ, милостивые государи,
началь Барклай, «что мы не строимъ воздушныхъ
замковъ, а занимаемъ дѣло», которое разъ рѣ-
шилось привести къ концу. Сэръ Портретъ, Бингъ,
Харнокъ и я самъ уже значительны подвижни
впередъ наше предприятіе. Мы имеемъ многочи-
сленныхъ союзниковъ при дворѣ Вильгельма оран-
скаго, что самъ Лондонъ, въ арміи и среди ко-
ролевской лѣбѣдь-гвардіи; и познакомъ васъ съ
произведеніемъ планомъ нашихъ дѣйствій,
чтобы вы могли, въ случаѣ, если они вамъ повор-
вите, быть на своихъ мѣстахъ и пріоготовиться къ
востанію. Военными операциами должны будутъ
бывать заправляемы вы, мужи Англии — востаніе же
произведется избранными нами людьми, и чтобы никто
изъ нашихъ высокопоставленныхъ друзей не
былъ скомпрометированъ, бунтующіе должны
быть навербованы по Франціи. Сорока пяти человѣ-
къ будетъ довольно — они переплавятъ канатъ
подиончикъ или попарно, остановятся въ домѣ
Гунта, откуда и прибудутъ въ Лондонъ. Эти лю-
ди припадаютъ гвардіи короля Иакова — въ Лондонѣ
и самъ приму ихъ. Все это не должно воз-
будить ни малѣйшаго подозрѣнія — солдатъ уже
отданы приказаний на этотъ счетъ. Въ толь-же
вечеръ посѣдъ прибытия, каждый изъ нихъ от-
правится на площадь Конвой-Гартенъ, где

встрѣтиться прорукающающимся джентльменамъ; изъ
каждого кармана джентльмена будетъ выгляды-
вать сложенный вътрь уголъ носового платка.

Этотъ джентльменъ буду я, милостивые государи,
и пріомъ солдатъ и отведу каждого изъ нихъ въ
безопасное мѣсто. Когда наступитъ день воста-
нія, васъ предупредить обѣй этомъ и вы всѣ бу-

дете на своихъ мѣстахъ; когда король будетъ похищенъ и загорится востане — дѣло мое и тѣхъ сокора пяти человѣкъ будетъ уже окончено, — тогда вы начините свое».

Присутствующіе такъ были поражены уже на половинѣ подготовленныхъ предпріятій, что лорды могли только проговорить: «Въ такомъ слушать хорошо — мы съ этой стороны не оплошаемъ».

Бернікъ казался довольною. «Я принимаю отъ васъ присягу королю Иакову, другу моему, вскричалъ онъ. Поднявъ руки, лорды прислали королю, который никогда не охранялъ правъ своихъ подданныхъ».

Баркдей умолялъ — онъ подумалъ о преданности этихъ людей и о разочарованіи, которому ожидало въ случаѣ успеха, но гнусному интригану, надѣвавшемуся достичь высокихъ почетъ, усыпъ сунулъ только одно хорошее — а до судьбы соединиться ему не было никакого дѣла.

— Ваше высочество, замѣтилъ Кайлфордъ, «мы должны выразить вамъ и прочимъ товарищамъ нашу благодарность за все случившееся, но будьте осторожны: не удастся ли слишкомъ усердью — оглушить на прошедшее: между заговорщиками часто бываютъ изѣнщики».

Бернікъ опинулся взоромъ собрали. «Я не видѣлъ никого, способного на такое дѣло».

— Здѣсь то, можетъ быть, пѣть камни, а въ другомъ мѣстѣ, вдругъ пронесется звонкий, женскій голосъ. Чѣмъ оглушаются въ ужасъ.

— Кто сказалъ это? вскричалъ Бернікъ.

— Я знаю этотъ голосъ, сказала Портретъ. «Это Бесса Гунтъ — Бесса, куда ты спѣшилась?» Не дождавшись дальнѣйшихъ разознаній, dochъ конѣвѣнціи выѣзжала изъ за камина. Она, по мнѣнію прѣросты, уже давно тамъ стояла.

— Чортъ возымъ! что намъ дѣлать съ этой дѣвушкой? вскричала Фергусонъ; мы у неї въ рукахъ — она можетъ насъ выдать.

— Ха! ха! ха! смѣялась Бесса. «Взглѣдните на этого хвастуна — онъ болтается. Если бы я захотѣла выдать васъ, то могла бы сказать это разъ десять; — будь у меня дурной замыселъ противъ таса, я не сказала бы двоихъ изъ васъ».

— Это правда, сказала герцогъ; — она сказала настолько большую бѣду!»

— Моя дочь привережена къ королю Иакову — она надежный посохъ, сказала Гунтъ, выступая. «Бесси ужъ много лѣтъ вѣрно намъ служитъ», сказала Портретъ.

— Хе-хе, въ самомъ дѣлѣ? вскричала Бесси. «Еще бы, а дѣйствиа честности многихъ изъ васъ, которые знаютъ съ дурными людьми».

— Она что избудъ да знаетъ, вскричала Фергусонъ. — Пиръ съ пустой боялью!

— Потише, сказала Бесси. «Я говорю, что мѣй вѣдомо — и хочу предостеречь васъ. Георгъ Портретъ — тѣхъ вдругъ и будущий тестъ, какъ говорятъ: сэръ Пендерграстъ?»

Георгъ вадупротивъ — сэръ Джонъ не явился; Георгъ передъ самыми начальниками былъ у нового союзника заговора — и теперь этотъ вопросъ: сэръ Пендерграстъ?

— И я не знаю, где можетъ быть Пендерграстъ, кроме своего замка, сказала онъ. «Недзоровье задержало его — и...»

— Губъ короля Вильгельма, сэръ Георгъ? спросила дѣвушка. Всѣ прислушались съ напряженiemъ.

— Въ Гудденфордъ.

— Иѣтъ, сэръ Георгъ, — пѣть, господа. О — сэръ Пендерграстъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы вы домогались его союза — это честѣйшій другъ; что дѣлать, любовь къ прекрасной миссѣ Элзѣ ослаивала васъ, иначе вы замѣтили бы, что обладателей Кайлбрухуаза плюхъ привережены королю Иакову. Сэръ Джонъ не явился въ собраніе потому, что король Вильгельмъ ужиналъ сегодня у него въ домѣ съ нимъ и его дочерью и потому, что король Вильгельмъ сегодня очутился въ дѣлѣ вѣрнаго якобита».

Крікъ гѣвна и ужаса раздался въ залѣ. Заговорщики съ проклятиемъ скакали съ книжкамъ и бросились къ своимъ лошадямъ. «Осторожней!» вскричали Бернікъ и Харнокъ.

— Бесси, ты правду говоришь? вскричала Портретъ.

— Это также вѣрно, какъ то, что ты меня видишь. Я слышала это въ Гудденфордѣ; когда я шла изъ Пайнленда и была въ сѣль, всѣ говорили другъ другу: король очутился у якобита.

— Отчего ты не сказала обѣ этомъ раньше? закричала Портретъ.

— Я выжидала возможности навсегда разлучить тебя съ Пендерграстомъ, произнесла Бесси. Союзники не могли успокоиться, они въ искусственіи прожигали изѣнцы.

— Погодите, ради Бога, вскричала Георгъ Портретъ.

— Мы узнаемъ, въ какомъ находимся положеніи — и избралъ Пендерграста въ союзники, полагаясь на его честность, — и то узнаю. Если правда, что говорятъ Бесси, то наемъ угрожаетъ опасности и я изѣнѣю васъ. Оставайтесь всѣ здесь, господа, черезъ два часа и вернусь — будьте покойны. Если сэръ Джонъ дѣйствительно мошенникъ, то быстровъ невозможно — онъ уже разослали съмѣнщики пропуть на васъ; тогда только поддемелье можетъ спасти васъ; и же побудьть къ Кайлбрухуазу, я долженъ — и отыскать Оранциа — и тогда, можетъ быть... онъ сдѣлаетъ угрожающей жестъ.

— Не плюшайте, вскричала Харнокъ.

— Оставайтесь всѣ здѣсь. — Гунтъ, отворите дверь, если будетъ опасность; — вамъ изѣнѣсто мое мужество, сэръ Харнокъ — я скоро буду назадѣ, моя лошадь, моя лошадь!

Заговорщики стоялились въ ожиданіи.

— Пронесите противъ злой силы, воскликнула докторъ Петерсонъ. «Мы должны получить изѣнѣданіе въ виду опасности».

— Пишіи послѣрдній твой дневникъ королю, прошепталъ Бернікъ своему другу Баркдей. Мы должны быть готовы ко всему. Гдѣ наша лошадь? — У Хоне-Чапелъ — я знаю дорогу.

Гунтъ и Бесси вышли изъ дома осматривать посты. Всемъ чѣмъ окружали дома на изѣнѣтомъ разстояніи — первымъ стоялъ Эдмундъ Кейсъ, слуга Георга.

— Все-таки словно, Эдмундъ? спросилъ Георгъ.

— Да, мастеръ.

Въ эту минуту черезъ равнину Мора несласъ темная масса, похожая на сгущившееся облако. Это былъ Георгъ Портретъ, скакавший въ Кайлбрухуазу.

— Черезъ два часа съ половиною онъ можетъ вернуться, сказала Гунтъ. «Пойдемъ домой, Бесси. Послушавшись проповѣдь Петерсона».

(Продолженіе будетъ.)

— Где же я могу забыться? въ то, что ты называешьъ мебелью. Женщина сама не знаеть, кого она любить. Дина могла бы забыться въ какого нибудь героя романа мистриссъ. Вѣдо же томъ, что она любить. Иногда она такъ виновно не охладѣла бы къ тебѣ. Я знаю изѣнѣданіе, что съ пѣкторомъ времена Дина любить другого, но не тебѣ.

Графиня Мирта говорила на этотъ разъ съ половиною уѣдѣженіемъ и Христіанъ это чувствовалъ; онъ сердито скзалъ кулачки. Муки требуютъ вѣрности даже и отъ покинутой имъ женщины.

— Кого любить она? едва слышно произнесъ онъ.

— Тѣйѣ уже сказала, Христіанъ, что познѣе: можетъ быть, это герой какого нибудь романа, плодъ воображенія, который при первомъ вѣдѣтъ къѣмъ нибудь перейдетъ въ дѣйствительность, и Дина это однозначно спою идею подобить болѣе, чѣмъ того, за кого ее выдали прямо съ школьнай скамьи. Ты тоже хочешь пожить свое прежнєе жизнью. Пользуйтесь минутой. Начните обѣ новую жизнь. Могу ли я передать твоє согласие, Христіанъ? она ждѣтъ его.

Долго медлилъ отвѣтъ графъ, наконецъ сказалъ:

— Если она этого хочетъ, пусть будетъ такъ.

Тетка вскричала. Графиня Мирта засмѣялась.

— Будемъ дѣйствовать честно, Христіанъ, сказала она. Ты хотѣлъ объяснить. Правда, объяснить можно все, даже пріемщику можно называть дѣтьми какого нибудь товарища дѣтства. Ты думаешьъ этимъ дѣло и кончено. Иѣтъ, мой другъ, въ сердце жены всегда остается симпатіи. Сколько мѣръ изѣнѣ, тобъ нѣтъ ни сестры, ни близкой родственницы. Какая же женщина, съ ребенкомъ можетъ такъ требовать тебя къ себѣ? Ты, можетъ быть, скажешь, это старая знакомая прѣжнихъ лѣтъ, но таинственность съ женихомъ должна прекратиться. Сознайся, эта дама, которую ты говоришь «ты», одно изъ твоихъ юношескихъ заблужденій?

Терпѣніе графа истощилось отъ послѣдніхъ словъ тетки.

— Такъ да же, чортъ изѣнъ! Не въ монастырѣ же мы жили до женинъ и если изѣнѣ Дина доводили меня иногда до отчалинъ, то это потому, что я отъ брака ожидалъ болѣе свободныхъ отношеній. Втвара, говори съ Диной, и я хотѣлъ подѣлиться съ тѣйѣ тѣмъ затрудненіями, которые возникли на моемъ пути, но и жестоко ошибся. Пусть будетъ такъ! это не первый бракъ, который кончается разводомъ. Но что бы могло значить такое внезапное охладѣніе Дины? Если бы мы жили здѣсь, заперты какъ въ гробу, я бы подумалъ, что Дина въ какомъ нибудь глупой лѣсѣ.

Графъ ожидалъ, что тетка засмѣется отъ этихъ словъ, но она синѣла.

— Почему же ты считаешьъ это невозможнымъ? проговорила она.

Этотъ вопросъ озадачилъ графа, но не надолго; онъ вскорѣ размыслилъ.

— Дина глобленѣа? это интересно! Въ какомъ же? ужъ не въ Винаво ли? Ха, ха, ха!

— Этого я знаю! серьезно сказала графиня.

— Откуда же вы знаете, что она глобленѣа.

— Очень просто, потому что изъ сердца женщины стара любовь не выйдетъ прежде, чѣмъ не войдетъ новая.

— Что вы говорите?

— Я давно замѣчала, что Дина сдѣлалась изъ тѣбѣ равнодушной. Вчера я узрала это изѣнѣро. Она разиновала тебѣ только по привычкѣ.

— Иѣтъ, Дина любить? по кого же? или, скрѣпѣ, чѣмъ? потому что я здѣсь вину только мебель, но не тебѣ.

— Потому же ей не забыться въ то, что ты называешьъ мебелью. Женщина сама не знаеть, кого она любить. Дина могла бы забыться въ какого нибудь героя романа мистриссъ. Вѣдо же томъ, что она любить. Иногда она такъ виновно не охладѣла бы къ тебѣ. Я знаю изѣнѣданіе, что съ пѣкторомъ времена Дина любить другого, но не тебѣ.

Графиня Мирта говорила на этотъ разъ съ половиною уѣдѣженіемъ и Христіанъ это чувствовалъ; онъ сердито скзалъ кулачки. Муки требуютъ вѣрности даже и отъ покинутой имъ женщины.

— Кого любить она? едва слышно произнесъ онъ.

— Тѣйѣ уже сказала, Христіанъ, что познѣе: можетъ быть, это герой какого нибудь романа, плодъ воображенія, который при первомъ вѣдѣтъ къѣмъ нибудь перейдетъ въ дѣйствительность, и Дина это однозначно спою идею подобить болѣе, чѣмъ того, за кого ее выдали прямо съ школьнай скамьи. Ты тоже хочешь пожить свое прежнєе жизнью. Пользуйтесь минутой. Начните обѣ новую жизнь. Могу ли я передать твоє согласие, Христіанъ? она ждѣтъ его.

Долго медлилъ отвѣтъ графъ, наконецъ сказалъ:

— Если она этого хочетъ, пусть будетъ такъ.

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Продолженіе).

Тетушка все смотрѣла на него, сидя на своей кухнѣ скрестивъ руки и покачивая своей старческой головой. Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Наконецъ Христіанъ спросилъ:

— Дина не хотѣла меня видѣть, тетушка; конечно, болѣзнь была только отговоркой. Очень она меня несправедлива?

— Ненавидѣтъ ли? о! я скорѣе думаю, что разочарованіе въ любви вскипѣло ей отвращеніе къ тебѣ. Женщины, жестоко мстить, когда ошибаются. А я думала, ты будешь доволенъ, узнавъ, что дѣлаешься свободнымъ. Вамъ теперь столько дѣла.

— Вы намекаете на даму въ деревнѣ, съ сердцемъ сказала графъ, и знаю, это было событие,

— И прекрасно, Христіан! Разставшись, вы будете счастливъ. Притворство томило васъ. Есди бы у васъ были дѣти, дѣло ишло бы иначе. Хаоты по разводу можно поручить доктору Додзеру. И думай даже послать сегодня за нимъ въ городъ. Миша дѣти! Я искони къ Динѣ, проходила она, обиная гравюра, снять съ ея сердца тяжелое бремя. О томъ, гдѣ и какъ вы будете жить, и куда пристроить Мазу, мы поговоримъ завтра. — Неужели несмотря на сѣѣтъ, ты пойдешь деревню?

— Да, отъстиль графъ Христіанъ твердо; онъ былъ очень бѣдень, но спокоенъ; да, и пойду въ деревню.

— Одѣнься потеше!

IX.

Злобная радость.

Графиня Дина между тѣмъ вовсе не думала лежать въ постели, но она также и не начинала одѣяться.

Закутавшись въ шаль, она стояла молча, слушая тѣ сплетни и рассказы, которые съ злобной улыбкой передавалъ ей камерафонъ. Завтра, когда графиня всѣмъ подастъ себѣ наверхъ, стоять нетропутью на стѣ.

— Итакъ, графъ не хотѣлъ слушать того, что ему хотѣло сообщить обо мнѣ графиня Мирта? спросила Дина.

— Всѣяя и имѣя честь дождожки вамъ, ваше сіѧтельство. Господинъ графъ предполагалъ, что для этого всегда найдется время. Графиня Мирта должна была употребить всѣ старания, чтобы господинъ графъ согласился выслушать ее. Онъ такъ склонялся. Пристоите, ваше сіѧтельство, если я, какъ вѣрная служа, завидовала еще вашу покойную матушку, осмѣясь передать вамъ, что.... но я считаю своей обязанностью, сообщить тайну, которая можетъ быть поможестъ....

Графиня Дина пѣкоторое время молча стояла у окна, наконецъ обернулась къ своей приближенной и проговорила:

— Вы вѣрная служа, Сузи, благодаря вѣст. И совершился согласие во всемъ съ графикомъ. Онъ сообщилъ мнѣ о своихъ планахъ. Вы очень ошибаетесь, если предполагаете, что между нами произошла размолвка. Кажется, сѣя вѣмъ находятся въ этомъ заблужденіи. Ваша горячность, доказываетъ вашу преданность. Можете взять себѣ шапку мое осеннеѣ плащъ, сѣроѣ.... Хорошо, хорошо, не стоитъ благодарности. Посмотрите, не идетъ ли графикъ Мирты.

— Цѣлою руки графикъ. Ваша тетушка, кажется, идетъ, и слышу ея шаги въ первой комнатѣ.

Дѣйствительно, въ съсѣдней комнатѣ то зашумѣло и запуршало и графикъ Мирта вошла въ комнату.

Повѣдѣтельный жестомъ она удалила изъ комнаты Сузину, когда та скрылась, тетушка съ гордостью и торжествомъ обнажила плащанинъ.

— Побѣда, дѣти мое, онъ согласился!

— О, я въ этомъ и соѣзжалась, насыпавшио проговорила Дина, ослобождаясь изъ объятій тетушки и подходя къ камину. Сегодня такъ холодно. И такъ, она согласилась. Когда же?

— Сегодня пошлемъ за адвокатомъ, а завтра переговоримъ обо всемъ втроемъ. Ты должна преодолѣть свои чувства и потолковать съ нимъ. Надо торопиться, пока не вышло скандала. Вообрази, онъ хочетъ перевести эту женщину въ замокъ. Да, да! это она сама скользила трактирной холостяй, холостяя передала Розѣ, Роза рассказала Порѣнъ, отъ которой я это узнала и сѣю пересдать тебѣ. Я запретила людямъ говорить о таихъ вещахъ и притворилась сама, что ничего не знаю. Христіанъ сказалъ мнѣ, что онъ думаетъ, ты совсѣмъ исправилась, хотѣла сама признать-

ся тебѣ во всемъ, такъ какъ въ бракахъ это вещь обыкновенная. Но, послушай, надо намъ переговорить. Завтра придется адвокатъ, онъ вѣрою родичъ человѣкъ. Мы требуемъ обѣднѣи двою. Помѣши на мѣнѣ, т. е. мнѣ и я, уѣдемъ окончательно изъ дѣла изъ Парижа. Онъ можетъ тогда распоряжаться зѣлью на свободѣ. Я зарѣгъ радуюсь вечерами и обществу. Позже мы рѣшимъ, гдѣ будемъ жить. Эта женщина будетъ зѣль въ замкѣ! Хозяйка рассказываетъ, что они говорятъ между собой очень тихо, ихъ нельзя подслушать, никогда у нихъ вырывается слова: «Ты долженъ возвратить отца моему ребенку! ты говоришь о твоей женѣ; но вѣдь белая цѣль можно разорвать. Мон рапи неотъемлемы». Есть въ замкѣ знать обѣ этомъ и казнить тебя. Винако, конечно, сточитъ на его сторонаѣ.

— Маза остается у Христіана. Кто знаетъ, можетъ быть, dochъ пизанская еї сестра. Успомокъ, дитя мое, потерянъ здесь еще денекъ два. Въ гордѣйшии примутъ нашу сторону. Теперь все прошло, но правда ли? Скажи мнѣ, ради Бога, за что ты это такъ ненавидишь? мнѣ кажется, онъ гордится этимъ.

— За что я его ненавижу, воскликнула одушевленная Дина, поднявъ руки, что заставило шаль упасть съ ее краснѣющихъ щекъ. Я тебѣ скажу, тетя. Потому, что я нашла существо, которому принадлежитъ теперь вся моя чистая любовь, и потому, что въ эту минуту я узнала, что мой мужъ безестинный обманщикъ! Но я буду счастлива!

(Продолженіе буде.)

ЧЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Новелла Францъ фонъ-Немецкого.

(Продолженіе).

Подѣлѣ старой риги съ живописнымъ фигонымъ деревомъ, у самого выступа скамы, прѣотѣснѣ бѣлынъ домѣнъ съ зелеными ставнами. У домѣнъ былъ тщательно содерганный садикъ. Въ воздухѣ раздрѣжительно пахло помаринцовыми цѣвтомъ, глазъ съ удовольствіемъ любовалась красными гранатами. На каменной скамье, передъ фонтаномъ сидѣла дѣвъ женщины. Одна изъ нихъ была одѣта въ блѣлокъ, съ гранатовымъ цѣвтомъ у груди и въ темныхъ волосахъ. На другой было нескраснѣлый туземный нарядъ, но за то, на монтинахъ и грубыхъ плащахъ она красовалась такаи голова, которая могла бы послужить моделью любому художнику. Зѣль живѣмъ находилась дреине-германской дѣвы, съ прозрачной, бархатистой кожей, розовыми бутончиками вместо губъ, задумчивыми голубыми глазами и золотыми кудрями. Г-жу Смирдину и называли таюю же, какъ и прежде, съ смутными, необыкновенно оживленными, хотя и некрасивѣющими лицами и съ магнитическими, огненными глазами. Мы разстались съ Петербургъ, на Англійской набережной, а встрѣтились у подножія Альбъю.

Она отбросила какую-то паутинную работу и раздѣлила протянула мнѣ руку.

Пончи разспросы и рассказы; разговоръ скоро оживилъ. Красивая туземка смотрѣла на настѣльныхъ удивленныхъ глазами и слушала нашу болтовню.

— Ж-же Смирдина выжила великолѣпные персики и поливала ихъ красными мѣстными винами; мы наслаждались этимъ южнымъ лакомствомъ.

— Зѣль въ горахъ обитаетъ счастье, не пишите его въ другихъ мѣстахъ, сказала она мнѣ, уѣдѣвшись.

— Со временемъ, вы здѣсь соскучитесь, сударыня, скромно замѣтила дѣвушка; когда сѣѣтъ покроетъ наши горы, а зимили бури грозятъ снести весь домикъ, мы бываемъ отрѣзаны отъ цѣлаго мира.

— Что за бѣда. Я никогда не разстанусь съ вами, миланъ; нигдѣ мнѣ не было такъ хорошо, какъ зѣль.

— Позвольте мнѣ умѣрить ваши энтузиазмы.

— Не пѣсколько мыслей не прочи и не сиѣтъ гізда на вершинѣ скамы, но потому, неудержимо потешить въ населенныхъ городахъ, къ мѣстамъ, где совершаются исторіи чрезвычайныи блѣые пульы жизни.

— Мени не потешитъ; одна мысль о праздникахъ безъ веселія, обѣ всемъ неужужимъ, утомляюще шумѣ, уѣз; наводитъ на меня тоску. Г-жа Смирдина легко прошоколзнула между цѣвточными клаумбами въ краю утеса.

Тѣни лежали уже въ долинѣ и только на вершинахъ горъ играли еще прошальнойы лучи солнца.

— Тамъ, внизу, близъ Терланъ, долженъ быть находиться «Рай» графини Маргариты, сказала она, указывая винѣтъ своей маленькой рукою.

— Такъ утверждаютъ и легенды, прибавила, что «многіе сѣмьѣнки знали туда дорогу.»

— Безъ любви весь мѣръ былъ бы чистыней, а съ любовью, каждый уголокъ становится рабъемъ.

Викторина всѣ трепетала, говоря эти слова, между тѣмъ, какъ еї спутница оставалась безстрастной. Одна была вѣданъ, другая — сиѣгнова гора. Туземная дѣвушка походила еще, пожалуй, на бѣлый листъ, на которомъ жизнь, рукою Викторинъ, писала свои первыя строки.

— Еслиъ одна только любовь давала вѣну жизни, то же что стаѣлось бы съ человѣкомъ, когда любовь покинула бы въ этомъ уединеніи. Тамъ, на жизненному рынке, есть другія развлечения и волненія, а что же останется зѣль посѣтъ любви?

— Въ любви не бываетъ «посѣтъ». Съ любовью кончается и сама жизнь!

Дѣвушка проводила меня до клаунти.

— Какая это добрая барыня, говорила она дорогой; она учить меня разныимъ работамъ, музыку и французскому. Дай ей Богъ всегда быть счастливой!

По дорогѣ, я раздумывала о странномъ стечении обстоятельствъ. Тамъ, внизу, «на почѣ», стережетъ книжнинъ III. Въ ее борѣѣ съ Викториной и Федоромъ Михаиловичемъ наступила новый фазисъ. Тѣ двоихъ удалились отъ общества, отрѣзались отъ своихъ связей обезличностей, чтобы вести жизнь годубновъ. Они не можетъ обйтись безъ густыхъ сливокъ; снятые молодою приводятъ ею въ отчашине.

Она не можетъ обйтись безъ любви; равнодушъ убѣтъ ее.

А вонъ и Меранъ съ мелькающими кое-гдѣ огоньками.

Больные улеглись спать. Извъ оконъ книжнинъ III, лѣтѣлись полосы сѣѧ. Она отворена и она тревожно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Эта одиночная женщина съ злобной горечью думаетъ о той съединенной парочкѣ.

— Я жду! сказала она мнѣ. Чего-же ждеть зѣль книжнинъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Облака обманчивы и неистощимы, какъ счастье.

Горы надѣлили свои колюны изъ тумановъ; таѣло давить сѣѣръ, пропитанный дождемъ, воздухъ. Небо не улыбается больше изукрашенной цѣвточной зѣлью.

Мени потинула взглянула на мѣсто, казавшееся вчера рабъемъ.

Дорога опять шла мимо оконъ книжнинъ, но теперь были занерты даже ставни.

На горной тропинѣ повстрѣчалась мнѣ вѣдунинъ, съ надинутымъ на лицо дождевымъ капюшономъ. Я предположилъ, что это Федоръ Михаиловичъ. Вскорѣ за тѣмъ разразилась буря; она сгибалась деревья, косматила ихъ вершинами и вздѣмала волны изъ горныхъ ручьевъ. Промокший и усталый добрадася и до бѣлого дома.

Красивая девочка испустила крик изумления, при виде гостя в такую ногоду. Она разрезала яркий огонь и высушила мое платье. Изъ закопченой кухни, въ которой помыкались сами хозяева, дѣти и скотъ, я отправилась къ г-же Смирдиной. Шумъ приносилъ, грубый говоръ работниковъ и вообще приносилъ трудно и зево разрабатываемагокуска хлѣба, сопровождали меня вдоль всей лѣстницы.

На верху я услышала прекрасные славянскіе мотивы, исполненные сильнымъ голосомъ. При моемъ появлѣніи, г-жа Смирдина встала изъ зорьи. Ей удивительные глаза сияли радостью; она притянула мѣй обѣ руки. На ней было тоже легкое платье, какъ и вчера, только въ волосахъ виднѣлись еще голубые цѣбты.

Страны комнаты были все закрыты зеленою и цѣбтами. Цѣблъ стоялъ птичкой, поклонялся на вѣтвяхъ. Среди комнаты занималъ огромный аквариумъ. На полу разостланы были нестрыи итальянской рогожки. Кругомъ: уdobныя краски и мраморные стены съ книгами и альбомами.

Я поняла, что эта женщина имѣетъ право прерывать толпу и удаляться отъ нея. Она сородично тонула вокругъ себя квинт-эссенцію всего, что даетъ жизнь.

— Спойте мѣй русскую пѣсню, просишиль я.

Одна комната оглушася мягкими и полными звуками.

Потомъ мы весело болтали, рассматривали рисунки и наконецъ заговорили о новомъ французскомъ романѣ. Г-жа Смирдина прочла съ жаромъ несколько лучшихъ мѣстъ. Мы были въ самомъ разгарѣ Парижской жизни, когда девочка позвала наѣтъ кушанья.

Здѣстомъ снова я почувствовала вліяніе на все окружающее этимъ замѣтчивой женщиной. Вмѣсто сельской тряпезы, намъ подали маленький космополитический обѣдъ. Только сочные, возышавшіеся пирамидами фрукты, напоминавшіе о юности Тироль.

Потомъ задымились душистый чай въ кромешныхъ китайскихъ чашкахъ, соединяясь съ ароматомъ отличной сигары.

Г-жа Смирдина грациозно покачивалася на креслѣ. Ея темные косы спускались на спинку и виднѣлись кончики крошечной ножки. Изицкая туфля была выполнена золотомъ.

На лицѣ моемъ, вѣроятно, выражалось восхищеніе.

— Вѣдь вы не сомнѣваетесь теперь, что я счастлива? спросила она весело.

— Я не сомнѣвается въ нашей способности распространить кругомъ счастье.

— Ну, такъ стало быть вы вѣрите въ мой рай.

— Подожмите. Однако, если Адамъ соскучился въ раю безъ Евы, то Ева должна еще болѣе соскучиться изъ одиночества?

— А если она не одиночка?

Шеки ея пылали, глаза металы искры.

— Въ такомъ случаѣ, я опять скажу, что ваша жизнь слишкомъ замкнута; что вы все поставили на одну карту.

— А если это одно наполняетъ всю душу?

— Какой мужчина въ состояніи удержаться на такой высотѣ чувства, а бѣдоръ Михайловичъ...

— Моя первая любовь, прервала она.

— Какъ досталася ему такое сокровище? Когда вы въ первый разъ познакомились съ книгами III. за границѣ, она только что отыскала его у меня. Онь забылъ.

— Потому что простилился въ манежѣ. Она нетерпѣливо покачала головой.

— Нѣтъ, потому что тосковалъ обо мнѣ.

Я вспомнила слова Федора Михайловича о снитомъ младенце.

Мой отецъ и князь III. были пріятелями. Вдова часто бывала у насъ въ домѣ съ Федоромъ Михайловичемъ, котораго она называла тогда своимъ

примѣрнымъ сыномъ. Мы встрѣтились и побудили друга друга. Въ свѣтѣ, онъ салъ на насыпь книга III.; мѣжъ признался тайно, что онъ былъ и долженъ высоты благодѣйній злой, фальшивой женщины.

— Извините, что я прерву васъ, но онъ вѣнчалъ наше помѣщаніе хорошо и, разумѣется, принималъ отъ нея деньги, еще усиливъ обяза-

тельства.

— Книги имѣла низкое намѣреніе сковать цѣль изъ своихъ благодѣйній для общаго юноши.

— Если онъ не любилъ и не уважалъ ее, то не долженъ быть есть ея хлѣба; если онъ не чувствовалъ себя способнымъ отѣчь на ея... расположженіе, то сдѣлывало отъ него отказаться.

— Вы не знаете, какъ это лукавая женщина.

— Напротивъ, отлично знаю и потому сторонюсь отъ нея.

— Федоръ Михайловичъ былъ бѣденъ и безпомощенъ; воспитанный въ довольствѣ, онъ не могъ обйтися безъ вѣнчаного блеска. Что было ему дѣлать?

— Работать.

— Такими путемъ, онъ получитъ-бы можетъ быть скучный кусокъ хлѣба, но не удовлетворение чувства изящного своей, истинно-восточной, любви къ роскоши.

— Конечно, многое не могутъ обйтися безъ будтофарской обстановки жизни, но это и считается въсѣхъ слабостью характера.

— Вы не любите Федора Михайловича, а онъ всегда отзыывается о вѣстѣ дружески; онъ очень добродушенъ.

— Федоръ Михайловичъ сумѣть сдѣлать такое приобрѣтеніе, за которое я должна постыдиться увѣнчать его—любовь такой женщины, какъ я. Расскажите же мнѣ, какъ у васъ было тогда панье.

— Федоръ Михайловичъ долженъ былъ получить мѣсто и потому открыться во всемъ моему добруму отцу. И действительно, Федоръ сдѣлалъ бытъ секретаремъ министра и мы обручались, съ согласіемъ моихъ родителей.

— А что же сдѣлала книгина?

— Она натворила много дурнаго моему отцу о Федорѣ Михайловичѣ.

— Но то хорошее, которое сказали потомъ вы, неправило дѣло?

— Да, очень скоро. Федоръ Михайловичъ говорилъ мнѣ, что въ то время они вѣсно не видѣли съ книгиной, хотя и жили въ одномъ дому. Ко мнѣ книгина относилась съ открытымъ ненавистью, если случай ставилъ наѣтъ. Тѣмъ страннѣе показалася мнѣ внезапно приглагошеніе хлѣбъ съ нею наѣтъ на свѣтѣ. Но дѣрогъ, она рассказывала мнѣ таѣй грязныя вещи о Федорѣ Михайловичѣ, что я даже не понимала ихъ, по недостатку опытности.

— Что-жъ, и это отчайное средство не помого?

— Нѣтъ, я была несчастна въ теченіи пѣсколькохъ часовъ, но присутствіе Федора Михайловича ободрило менѣ. Чтобы разлучить наѣтъ, недостаточно было воли этой женщины, нужны были старанія злого демона.

— Неужели у книгини нашлось какой нибудь Асмодей на халовомъ?

— Да, въ образѣ Андрея Ивановича Смирдина. Вашего мужа?

— Теперь ужъ статского совсѣмъ!

— Странно! Г-жа Смирдина казалася мнѣ умной, образованной, энергичной человѣчкой. Онь богатъ, на блестящѣй дорогѣ и, кажется, неустыдно нужды прибѣгать къ унизительнымъ средствамъ.

— Вы судите о немъ отчасти вѣрою; онъ не изъ дюжинныхъ негодяевъ, дѣлѣющихъ зло по глупости или по слабости; но онъ способенъ неустыдно идти къ своей цѣли, если даже и раздавитъ другихъ по дорогѣ. Вы забываете также,

что, въ то же время, Смирдинъ былъ просто чиновникомъ министерства и лада не давалъ ему никакихъ средствъ.

— Однако, г-жа Смирдина вѣдь любитъ васъ?

— Любить не то слово; къ нему она неизѣтъ.

Она воспитывалася въ одномъ заведеніи съ Федоромъ Михайловичемъ, они сонались и Смирдинъ вѣдь изъ отпуска въ домѣ книга III. по праздникамъ. Послѣ выпуска, пропекъ книгина III. доставила Смирдину хорошее мѣсто, а въ наѣтъ его вѣвѣ самъ Федоръ Михайловичъ, будучи мономъ женщины.

— Во всломъ случаѣ, извиненiemъ Смирдину можетъ служить то, что онъ увлекся вами.

— О, да; ему нравили кружки, собираявши ся у меня. Тогда я перестала выѣзжать, замѣтила, что Федоръ Михайловичъ утомляется сѣѣской жизнью и нарочно соединилъ у себя только самое избранные общество.

— Какъ хотите, а я не могу осудить умнаго человека за то, что онъ увлекъ вами цѣну и старалася заѣздить вами.

— Ко мнѣ, онъ вызывалъ мало вниманія, а на меня его холодные, расчтитанные пріемы производили какое-то оѣѣннюще дѣйствіе. Хотѣ и постепенно, оно стаѣло прѣбрѣгать друзей въ нашемъ кругу. Отъ моему слѣдѣть оказать вѣную услугу и потому сдѣлалъ своимъ человѣкомъ. Разумѣется, мы съ Федоромъ Михайловичемъ не подозрѣвали, что онъ дѣйствуетъ по пропагандѣ книгина.

Г-жа Смирдина остановилась въ сильнѣшемъ волненіи, взглянула на приватную минуту выразивъ мрачнаго отчаянія.

— Впрочемъ, продолжала она, съ наслѣдственной упомыѣмъ, вѣдь мы теперь опять счастливы. Между упомыѣмъ и настоящими дѣсять мундѣнныхъ лѣтъ, мужъ, четверо дѣтей и наконецъ позоръ!

— А Федоръ Михайловичъ оставался все время въ пассивной роли?

— Что-жъ ему было дѣлать? Онъ вѣдь не знаетъ, въ чомъ и какъ измѣнѣть смылъ пріятеля.

Опять первое содраганіе.

— Г-жа Смирдина подошла къ окну.

— Погода разгулялась, пойдите на воздухъ! И дѣйствительно, сдѣльевъ бури почти не осталось. Все семье хозяинъ разбрѣзъ изъ дому по своимъ дѣламъ; хорошенькая девочка усердно вязала кружево.

У г-жи Смирдиной для каждого находилась шуточка; серьезныи лица разглаголялись при сѣи приближеніи. Ученый свою она погладила по головѣ и похлѣбала ея работу.

— Нашему гостю понравилось тамъ на верху, а мы вѣдь вѣмѣстъ все устраивали съ тобою. Надѣмъ же посмотреть, какъ распорядилась бура съ наименіемъ трудами.

И она легко выскочила въ калитку.

Въ натурѣ этой женщины была бездна дѣтской веселости и прелести.

Много изѣтъ было опрокинуто, много вѣтъ поломано. Виторига торчала принадлежала за пропавшей, а мы оба стаїли помочь ей.

Мы ужасно хотѣлись смынать продолженіе рассказа; но присутствіе третьего лица мѣшало.

Тонкія лопаша прервали наше занятіе. Федоръ Михайловичъ воротился изъ города. Подъ вѣнцемъ магнѣтическаго вѣтлага Виториги, ожилъ даже и онъ, покрайней мѣрѣ, и не замѣтилъ вѣнца и сдѣла вѣчернѣй власти.

Съ блаженнаго улыбкой пошла она домой подѣлъ него.

(Продолженіе будеетъ).

—————
Нѣчто о жизни и дѣятельности
Фридриха Фреbeля.

21-го апреля 1782 г. у пастора деревни Оберъ-Вейсбахъ въ Тюрингенѣ, Йоганна Иакова Фреbeля,

родился третій сынъ — Фридрихъ, вноскодѣствіи известнаго Фридриху Фрѣбелю.

Маленький Фридрихъ рано извѣдалъ горе. Здоровье матери его, погрѣбшего его рожденіемъ, не могло болѣе поправиться и черезъ годъ, в продолженіи котораго онъ пользовался материнскимъ почечнѣемъ, — она умерла. Съ нею вмѣстѣ исчезли радость и счастье изъ пасторского дома.

Отецъ, въ приходѣ котораго было шесть или семь деревень и который, кроме того, обязанъ былъ наблюдать за постройкой церкви, мало занимался сыномъ и мальчикъ, до четвертаго года, былъ предоставленъ небрежному уходу домашней прислуги.

Въ 1786 г. отецъ его вторично женился. Сначала новые отношения благоприятно подѣйствовали на ребенка, пущавшагося въ любви; но когда у мальчика родились собственныя дѣти, она лишила пасынка своего прежн资料 благоволенія, перешедшего мало-помаля въ отвращеніе, которое она, даже, не въ состояніи была сирывать. Съ глубокимъ прискорбиемъ рассказывалъ уже взрослый Фрѣбелъ, въ письмѣ къ принцу Шварцбург-Рудольштадтскому, что его вторая мать никогда не обрадалась къ нему иначе, какъ въ третьемъ лѣтѣ. Чужие люди постарались посыпать въ юному сердцу мальчика безотрадную мысль, что мальчика не спасаютъ. Вскорѣ она сама въ этомъ уѣхала, такъ какъ она постоянно жаловалась мужу, что Фридрихъ дурной ребенокъ, которого трудно воспитывать, и этими жалобами поколебала расположженіе отца къ сыну.

Эти обстоятельства и другіе, относящіеся къ истинному положенію его дома, заставили Фридриха рано задумываться и сосредоточившись. Ему рѣдо позволяли ходить дальше двора и сада, окружавшихъ домъ, позади котораго возвышалась скала, между тѣмъ, какъ съ прочихъ сторонъ его теснили другіе дѣрмы.

Такимъ образомъ, умъ его рано обратился на близкіе предметы. Отецъ заставлялъ его ходить за садомъ, что побудило его вниманіе къ миру растений и, такъ какъ ему часто приходилось помогать домашнимъ, то все его дѣла въ занятіяхъ принимали практическіе направленія. Отецъ Фрѣбеля много заботился о благочестіи и въ его дому постоянно, въ извѣстныя часы, читалась біблія.

Всѣ члены семейства должны были при этомъ присутствовать. Хотя этимъ думали дать серьезное направленіе характеру мальчика, но принужденіе вело только къ разладу между нимъ и всѣмъ окружавшимъ, такъ что, временами, ребёнкомъ овладевала безумная рѣзвость и духъ разрушения. Чтобы его укротить, отецъ послалъ его въ женскую школу, которая отличалась отъ школы для мальчиковъ порядкомъ, типиной и благопріемъ. Здесь заняла онъ естественно изолированное положеніе. Въ этой школѣ, для воспитанія дѣтей, считали необходимымъ посыпать ихъ дважды въ день въ церковь, где они обязаны были стоять благоговѣйно, внимательно слушать и почти слово въ слово запоминать проповѣди пастора, что было truly трудно, что рѣчи старика Фрѣбеля были чрезвычайно напыщены. Кто знаетъ, не ѿѣзжали крестьянъ первая причина тяжелаго слога Фридриха Фрѣбеля.

Сухіе теологические выводы, которыхъ мальчикъ наслушалась, будучи мозаичнымъ свидѣтелемъ разсужденій отца съ прихожанами, обращавшимися къ нему со събитіями и помощью, не только доставили ему случай рано прислушаться къ самымъ грустнымъ и раздирающимъ струнамъ человѣческой жизни, но волновали и производили разладъ въ его мозговомъ умѣ.

Онъ началъ искать отрады въ изученіи міра рабочихъ и каждыйажды замѣтный цѣлосткъ пробуждалъ въ немъ жажду забытій и сравненій; на мальчика также полено дѣйствовали ваникулярная постыденія старшаго его брата, который учился въ высшей школѣ въ Лейпцигѣ.

Въ то время, критическая философія начинала

разбирать основные положенія теологии; это по-рождало между отцомъ и его старшимъ сыномъ различия въ мысляхъ и сноси, въ которыхъ старшина, всыпчиво и нетерпѣливо, а молодой человѣкъ вдохновенно и страстью, отставали свои убѣждѣнія, при чёмъ въ душу Фридриха, мозаичного свидѣтеля этихъ споровъ, запали мнѣнія зародышнаго истины.

Между тѣмъ, положеніе его въ родительскомъ дому и отношеніе къ родителямъ никакъ не улучшались, напротивъ того, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе заслуживалъ ихъ порицаніе, а жестокіи наказаній, которымъ онъ подвергался и постыдные упреки матери, сдѣлали его замы, скрытныи и совершенно чужими въ своей семье, такъ что ему жизни у родителей была крайней опасность и онъ завидовалъ братьямъ, которые вдали отъ нихъ посѣщали школу. Наконецъ началась для почты однодѣдатѣльного мальчика новая жизнь. Братъ его первой матери, Гофманъ, суперинтендентъ въ г. Ільмѣ, послѣдний его родителъ. Онъ былъ пріятѣль, любящий человѣкъ и, заѣтъя скоро враждебности отношеній между Фридрихомъ и его домашними, обратился къ отцу его съ просьбою отдать ему мальчика на воспитаніе. Тогда отецъ согласился.

Конецъ 1792 г. поступилъ Фридрихъ въ лицей, котораго жена и дѣти уже умерли. Бабка Фридриха вела тамъ хозяйство. Сюда мальчикъ почтуповчалъ разницу между новой жизнью и прежней. Въ родительскомъ дому царила строгость. Здѣсь нашла онъ юростъ и добrotу; тамъ ему не дѣвали, а тутъ вполнѣ подлагали на него. Тамъ онъ терпѣльно принуждалъ — тутъ ему давали свободу. — До сихъ поръ у него не было ни одного товарища и вдругъ онъ въ Ільмѣ попалъ въ общество 40 воспитанниковъ старшаго класса одной городской школы, съ которыми ему позволили бродить по всѣмъ окрестностямъ, съслѣдованиемъ возвращающимъ домой въ назначеній часъ.

Такимъ образомъ мальчикъ оживился, сдѣлалъ веселыи и физически окрѣпъ.

— За играми наблюдалъ учитель, но не сѣясъ на нихъ.

Фридрихъ чувствовалъ себѣ глубоко пристрастіемъ,

когда во время игры въ крѣбль или въ колыбѣ, выказывалась его человѣкость. Онъ сталъ много работать надъ собой, чтобы и въ этомъ отношеніи сравняться съ товарищами. Вѣроятно, этотъ, имъ самимъ пережитый, опять былъ поводомъ тому, что онъ, вноскодѣствіемъ, въ своихъ дѣтскихъ садахъ, настаялъ на равномерномъ развитіи умственному и физическому, съ самого раннаго возраста.

By церкви у дяди, также, какъ у него въ дому и въ школѣ, царствовали духъ свободы, любви и терпимости, такъ что религиозныи вѣрѣніи Фридриха начали становиться опредѣленѣемъ. До конфімациіи осталась онъ въ Гофманѣ, затѣмъ возвращалась онъ къ родителямъ, которые предназначали его для гражданской фѣдѣальности. Мачиха, смотрѣвшая съ неудовольствіемъ на то, что на воспитаніе старшихъ братьевъ уходило много денежнаго, положительно была противъ желанія Фридриха поступить въ университетъ и его уѣхали сдѣлать земскими чиновниками. Его опредѣлили въ єпископію, который въ то же время былъ хоронимъ геометромъ и таксаторомъ. Когда Фрѣбель переселился къ своему новому начальнику, ему было уже пятнадцать лѣтъ, но єпископъ оказался до того занятымъ человѣкомъ, что мальчикъ принужденъ былъ самъ заняться своимъ образованіемъ, чему способствовала богатая библиотека всегда отсутствовавшаго єпископа. Здѣсь его внутренне развитие пришло другою направленіемъ. Сближался съ природой, онъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ сухой ходячести и постигъ свое общеніе съ живымъ міромъ. Тогда же поизна- комился онъ съ однимъ медикомъ изъ ближайшаго города, который вѣзъ съ自己 со всерединой новый кругъ общества и, между прочимъ, въ первый разъ повезъ его въ театръ. Театральный пред-

ставленіе! такъ увлекли Фридриха, что онъ сталъ искать эти аномії съ актерами. Между ними было примоднѣйшее юноша, который вѣбремъ обратилъ внимание Фридриха на темныи стороны своего званія. Отецъ Фрѣбеля, узнавъ обо этомъ отношеніяхъ, до того разсердился, что старшему брату Фридриху пришлось стать, впрочемъ не въ первыи разъ, пріимѣрите между отцомъ и братомъ. — Въ 1799 г. кончился срокъ обученія, но учитель не хотѣлъ разстаться съ поизна-комъ ему ученикомъ, а такъ какъ Фридрихъ настаивалъ, чтобы его отпустили домой, то єпископъ прибылъ къ нечестивой мести. Онъ послалъ настору письмо, которое заложило самыи тяжелыи обвиненія противъ сына и должно было быть доѣтъ до старика прежде возвращенія Фридриха, предполагавшаго забѣгать къ брату, который полуничъ, между тѣмъ, мѣсто силенчика. Фридрихъ всѣгда, естественно, изъявлялъ родительскаго гнѣва, который онъ унаследовалъ отъ тѣхъ, кто представилъ образы своихъ частныхъ работъ, опровергавшіе его блестящими образомъ. Онъ не успѣлъ еще принять за какоенибудь нюансъ на второму брату въ лицу. Тамъ, увеличенной умственной жизнью студентовъ, юной и юношеской, Фридрихъ просилъ у родителей остатся до конца учебнаго семестра. Ему подозвали, но по вице-принципу осеннею домой, онъ много перенесъ пакшъ надъ тѣмъ, что и ему тоже удалась поездка въ университетской жизни. Это, впрочемъ, не ѿѣзжъ отъ сего за тѣлу. — Онъ настойчиво просилъ, чтобы онъ поступилъ на камеральныи факультетъ. На его же желаніе согласились, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на ученіе тратилъ не деньги изъ своего маленькоаго материнскаго наѣса, ставъ съ охотой поизна-комъ Фридрихъ. Въ 18 лѣтъ вступили онъ въ университетъ, въ качествѣ студента философіи. Оттѣ Фрѣбель жилъ ѿѣзжъ на разсчитаніи, былъ знакомъ почти съ однимъ. только братомъ, которому оставалось еще годъ изучать медицину, и, какъ единственное удовольствіе, позволяло себѣ театръ, но ужъ во времена третьего полугодія своихъ занятій, онъ сталъ съ деньгами нуждаться изъ дѣнегахъ. Отецъ ему выдалъ ѿѣзжъ въ другую материнскаго наѣса, и, вмѣсто того, чтобы ихъ тратить только на себѣ, они раздѣлили ихъ со своимъ задолжавшимъ братомъ, ини отъ неѣ были въ состояніи отдать имъ съѣгу. И напрасно мозгъ Фридрихъ отца вѣсилъ ему 30 талеровъ, которые онъ долженъ былъ отдать содержателю стола, — отецъ былъ неумомъ, такъ что на съына подали жалобу въ сенатъ и его приговорили къ тюрьмѣ.

Девять недѣль томили онъ, въ заключеніи, покуда отецъ не согласился на конецъ его выкупить, уплативъ его долги въ счетъ будущаго наѣса.

Когда это было сдѣлано, Фрѣбель вышелъ въ январь 1801 г. изъ подъ ареста, оставилъ академическую карьеру, за неимѣніемъ средствъ ее продолжать, и вернулся въ отцовской домъ, чтобы вскорѣ занять място у одного родственника, где ему представлялся случай изучить практическое сельское хозяйство. Но едва прибылъ онъ здѣсь и несколько мѣсяцевъ, какъ былъ вытребованъ къ сильно заболѣвшему отцу.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬТОНЪ.

Открытие лѣтніхъ гульній. — Система Коперника. — Свойства петербургскаго климату. — Дачи. — Вѣдъ Петербурга въ лѣтніе времена. Статуя Йоанна Грознаго, работы г. Антокольскаго. — Половинъ X. — Дѣло г. Корфа и г-жи Альмовъ. — Ізмѣнъ Гончакій, прибывающій, послѣ долгаго странствій по бѣлѹ-сѣверу, въ петербургскую тюрьму. — Любовь г-жи Гончакій къ ея мужу, дохолающая до ослѣпле-ния. — Дѣло М. — Заключеніе.

По календарю, мы уже давно перешли въ весну,

а открышемуся, 25 апреля, въ новой деревнѣ, заведено искусственныхъ минеральныхъ водъ, и начавшимися музыкальными вечерами въ Павловскѣ, мы уже устали въѣхать въѣхать. Сыграли, вспышки хлопьями въ день этихъ открытий, ничего не доказываетъ ничего не опровергаетъ. Мы твердо вѣримъ въ пристрастіе лѣта, вѣримъ тѣмъ больше, чѣмъ, за долго до Ивана Ивановича Изера, въ будущемъ пристрастіи жаропроницаемъ, а всѣдѣ за открытиемъ Ивана Ивановича стали открываться: таврическій садъ, различные скверы и, если не ошибаюсь, то въ этихъ посѣщахъ уже открыты будки, въ которыхъ сидятъ двѣицы съ проходящими напитками. За исключеніемъ стало быть холода испытѣя, все напоминаетъ лѣто, все доказываетъ лѣто, подѣляетъ только то теплѣе, да то погибѣ ежедневно наши квартиры и ничто въ немъ не помѣшаетъ наслаждаться благотворными лучами лѣтнаго солнца. Лучи эти, очевидно, приводятъ меня въ раздумье. Ощущаю ихъ благотворную теплоту, невольно задену себѣ вопросъ: отчего они такъ холодны? Ужъ не случилось ли какой-либо порчи въ системѣ Консервации? Они уѣзжали насы, что земля, двигаясь вокругъ своей оси, совершающе ежегодно путешествіе вокругъ солнца. Вѣтъ мінъ и приходитъ въ голову, что отъ безпрерывныхъ этихъ путешествій, продолжавшихъся отъ сотворенія міра, могъ, пожалуй, произойти какое-нибудь непредвидѣніе, въ силу которого земной шаръ, той стороной, на которой значится європейская точка, занимаемая нашей обширной сѣверной столицей, не поворачивается лицомъ къ солнцу, какъ это ему предписано, а, вѣроятно, дѣлаетъ некоторое уклоненіе, такъ что солнце и не замѣчаетъ Петербурга. Впрочемъ, пѣтъ худа безъ добра: въ этой, по видимому, аномалии есть именно та хорошая сторона, что нашъ Петербургъ можетъ угодить самымъ разнороднымъ вкусамъ. Иланапанди и итальянцы одинаково хорошо почтуютъ себя въ немъ среди лѣта: итальянцу придется только гулять по солнечной сторонѣ улицы, а лапландцу — по противоположной; первый, даже въ началь вѣсны, почтуетъ надъ головой дѣйствіе лучей итальянскаго солнца; второй — даже среди лѣта, наслаждается всѣми прелестями климата своей родины. Въ особенности будутъ полны ощущеній лапландца: онъ не только будетъ вѣдьматъ знакомымъ ему воздухъ — гнѣвнички тундра, не рѣдко представить передъ имъ самыи тундры. Ну какой другой городъ въ Европѣ представляетъ столько удовольствия для разноплеменныхъ? Наконецъ, еслибъ, по неизвѣненію отъ историбурскаго климата обстоятельствамъ, не удались лапландцу вѣтромъ насажденій въ городѣ, то и предложиши передъ имъ самыи тундры. Ну какой другой городъ въ Европѣ представляетъ столько удовольствия для разноплеменныхъ? Наконецъ, еслибъ, по неизвѣненію отъ историбурскаго климата обстоятельствамъ, не удались лапландцу вѣтромъ насажденій въ городѣ, то и предложиши передъ имъ самыи тундры. Ну какой другой городъ въ Европѣ представляетъ столько удовольствия для разноплеменныхъ? Наконецъ, еслибъ, по неизвѣненію отъ историбурскаго климата обстоятельствамъ, не удались лапландцу вѣтромъ насажденій въ городѣ, то и предложиши передъ имъ самыи тундры. Ну какой другой городъ въ Европѣ представляетъ столько удовольствия для разноплеменныхъ? Наконецъ, еслибъ, по неизвѣненію отъ историбурскаго климата обстоятельствамъ, не удались лапландцу вѣтромъ насажденій въ городѣ, то и предложиши передъ имъ самыи тундры. Ну какой другой городъ въ Европѣ представляетъ столько удовольствия для разноплеменныхъ?

Не знаю, какъ кто, — а я, увидѣвъ эту статуу, совершенно позабылъ объ Англичанахъ, и этимъ, конечно, воздалъ должную хвалу емъ — думъ объ Иоаннѣ Грозномъ, о дѣланіяхъ его. Вотъ онъ сидитъ на своемъ пресѣѣ, съ опущенной на грудь головою; искушаемъ рукою его, конунгомъ смѣясь, угощаютъ лѣтнимъ театрами; И. И. Изальвъ открылъ уже свои угощенія въ Новой деревнѣ; откроются ихъ и другіе, а для горожанъ, кажется, уже все зарыто, а между прочимъ и посѣдѣло, печально-артристическое зрѣніе: выставка знаменитаго произведения художника Ангтокольскаго — статуя Иоанна Грознаго. Говорю — печальное, потому что сила творческаго таланта заставляетъ мысль наше переноситься въ самую безотрадную окончу жизни русскаго народа.

И дѣйствительно, ужъ теперь пустѣеть городъ: его обитатели спѣшатъ переселиться на, такъ называемыи, лачи, расположенные въ окрестностяхъ тундражъ — и для чего, какъ бы вы думали? А для того, чтобы подышать здоровымъ лѣтнимъ воздухомъ. Если это говорять переселенцы изъ Лѣсной, изъ Нарголовъ, изъ Муринъ, изъ Баги Гони, то я побѣръ, что они говорятъ по пѣхотной степени сердечно, но перѣѣзжающи на Чорную рѣбчу, на Крестовскій, на Кушелевку, Алагерскій островъ, Каменныи островъ и даже въ Павловскѣ по потому подобныхъ мѣстности, — положительно шутятъ, уѣбъ, чѣмъ, что въ этихъ мѣстностяхъ они наѣзжаютъ дышать здоровымъ лѣтнимъ воздухомъ. Въ переселеніи на дачу я лижу одну необходимость оставить городъ во чѣмъ бы ни стало, такъ какъ жизнь въ немъ лѣтомъ, дѣйствительно, становится невыносимой. Испор-

ченность воздуха, свойственная всѣмъ тѣмъ городамъ, которые ширятся, раззываются въ унѣрѣ ихъ внутреннемъ организму, всѣмъ всѣмъ соблюденіемъ санитарныхъ условий, привычныхъ чѣмъ-то въ рѣжѣ или пшенице роскоши, — испорченность эта усиливается вѣтвами мѣзами, которыми стѣною рукою наѣзжаютъ на общество газового освѣщенія, водопровода, а въ ряду и дуна, извѣрженіемъ улицъ города въ винзіи пропасты, извѣрженіемъ изъ нѣдѣи своихъ преобразительныхъ дѣлъ газъ и убѣйственной для носа — запу. Даже зависитъ берестъ, когда подумешь при этомъ о тѣхъ чистѣнныхъ мѣстностяхъ, где городъ уточняется въ садахъ, а улицы представляютъ роскошные бульвары. И идетъ себѣ по такимъ улицамъ пѣхомъ, лѣтомъ, и не устаетъ: по-видиму скамьи, новодѣй тѣнѣ... и весело идетъ пѣхомъ. А извѣстно-ка на улицѣ прогулкы изъ конца въ конецъ Литейной улицы или Невскаго проспекта... страшно подумать! Иѣть, все таки лучше уѣхать въ тундру, на дачу: тамъ есть слабый намекъ на жизнь, возможна нѣгаторская изюминка; въ городѣ же все мертвѣ, а вони и картины улицы; если и позовешь разглядѣть изюминку, то безотрадной, переносящей мысль нашу въ далеко неизвѣстной странѣ.

Одно прошлое лѣто составляло счастливое исключенье для городскихъ обитателей: миниатюрная выставка, привезла изъ своимъ сердечнымъ интересомъ, погоняла изъ вниманія на столь, что они и не обращали его на непріглядную сторону нашего лѣта. Теперь совсѣмъ не тѣлѣнѣи и оранжево-блѣзкихъ обитателей напрѣвляются угощать лѣтнимъ театрами; И. И. Изальвъ открылъ уже свои угощенія въ Новой деревнѣ; откроются ихъ и другіе, а для горожанъ, кажется, уже все зарыто, а между прочимъ и посѣдѣло, печально-артристическое зрѣніе: выставка знаменитаго произведения художника Ангтокольскаго — статуя Иоанна Грознаго. Говорю — печальное, потому что сила творческаго таланта заставляетъ мысль наше переноситься въ самую безотрадную окончу жизни русскаго народа.

Еще разъ, какъ кто, — а я, увидѣвъ эту статуу, совершенно позабылъ объ Англичанахъ, и этимъ, конечно, воздалъ должную хвалу емъ — думъ объ Иоаннѣ Грозномъ, что нѣсколько сыновей его не отпраздновали на той сѣтѣ, всѣдѣстїи же-стокихъ изѣстій, которымъ подвергалъ ихъ отецъ, то этотъ отецъ-палацъ былъ привлеченою суду. До начала судебнаго слѣдствія г. Корба умеръ, а за тѣмъ судью раскрыты следующіе факты. Г. Корба сдѣлали тиарономъ отомъ не спроста и не въ свое, такъ сказать, добре вѣдъ, а по вѣдъ духъ, такъ какъ г. Корба, сильно полюбившій духамъ и отличнѣйшимъ ини отъ прочихъ недостойныхъ смѣртныхъ, побѣжалъ изъ свою очередь духовъ и, схвативъ съ ума, перешелъ въ братство спиритовъ. Этотъ переходъ совершился при посредствѣ какой-то г-жи Алымовой — медіума, сообщившей г-ну Корбу вѣдъ духовъ. Была эта состояла въ томъ, чтобы онъ заморгалъ своимъ глазомъ передъ всею своею состояніемъ представителемъ духовъ на землѣ, почитненемъ медіуму-госпожи Алымовой. Погорѣвъ такой категорической вѣдъ духомъ, г. Корба тотчасъ принялъ за исполненіе: сколько сѣлъ его хватило мыслей дѣлъ, составилъ духовное завѣщаніе, которымъ сдѣлали госпожу Алымову единственной своей наследницей. За тѣмъ самъ перешелъ къ духамъ, а наследница — непокорный духъ, все таки возбудилъ процессъ противъ г-жи Алымовой, и теперь поканываетъ неизвѣстно, что скажутъ духи, когда отдушились вѣдъ духомъ явится на скамьѣ подсудимыхъ. Надо позадѣтъ, что они устрашатъ событія присяжныхъ и отступятъ отъ своего медіума, какъ отступили они отъ отца спиритонъ г. Юма. И бѣдная г-жа Алымова, такъ много хлопотавшая для спасенія душъ Корбы и сдѣлавшая не по своей вѣдѣ, а по вѣдѣ духомъ, обладательницей его состоянія, вдругъ, можетъ очутиться лишенной всѣхъ правъ состоянія, и въ добавокъ принуждена будетъ переселиться изъ Екатеринопольской губерніи въ отдаленныи мѣсто Сибири. Такое представство со стороны духовъ можетъ уронить ихъ въ глазахъ общества и поколебать до нѣгаторской степени самыи вѣрованія спиритовъ. Скажу про себя, напримѣръ: я непремѣнно хотѣлъ перейти въ секту спиритовъ, но имѣя столь живыи уликъ неблаговиднаго поведенія духовъ и знать ихъ не хочу: не стонть.

Въ заботѣ моей о томъ, что будуть дѣлать во время лѣта нѣтербурскіе, принужденные судомъ или чѣмъ инѣбѣ другимъ — оставаться въ городѣ, хочу посовѣтывать имъ поѣздить Судъ, которому

представить наимѣніемъ зѣтомъ почтительныхъ примѣровъ. Какъ уже известно, князь Гончаровъ возвратился изъ своего странствія по болѣе сѣверу и находится въ此刻 настоящую минуту въ с.-петербургской тюрьмѣ. Онъ не унываетъ и только опечаленъ тѣмъ подозрѣніемъ, которое, вызванное со стороны правительства, стоялъ рѣзкій мѣръ, поставило его въ несвоевременное положеніе передъ обществомъ. Но онъ надѣется на торжество правды и успокаиваетъ себѣ и свою супругу тѣмъ, что истинно великіе люди проходили тернистымъ путемъ и не рѣдко подвергались гонениямъ. Замѣтчили же этоъ дѣло тѣ, что князя Гончарова на столѣ утвердили въ неногрѣшности своего супруга, что вслѣду ему «сопутствуетъ и видитъ въ немъ истинного сына, а не какаго-то бродягу — мышанина Бабаева». Въ этомъ случаѣ — одно изъ двухъ: или г. Гончаровъ есть действительный князь, или же любовь г-жи Гончаровой оправила ее въ разсудокъ. Да бѣгъ, чтобы оказаться первое! хотя все, что до сихъ поры было заявлено печатью о личности князя, не вселяетъ никакой надежды на такую исходъ дѣла.

Но какъ ни громаденъ интерес этого дѣла, онъ блѣдѣетъ передъ колосальностью преступлений, которыми, какъ говорятъ, молва, выдумѣть, при посредствѣ суда, на сѣть Божій изъ ярма, окружавшаго досѣ роскошную жизнь пыльныхъ гг. М...хъ. Если вѣрить слухамъ, впрочемъ, довольно распространеннымъ, то эта роскошь и блескъ не легко дались этимъ господамъ: имъ пришлось тики поломать голову надъ весьма сложными комбинациями и вызвать къ себѣ рѣшимость для приведенія ихъ въ исполненіе.

Конечно, дома- дворцы, разъмеченные въ нихъ потолки, мраморная лѣстница, рисьи, экипажи и проч. въ pendant этому, — все это весьма заманчивы вещи, и, пожалуй, при видѣ ихъ, не однѣ блѣднѣ ощущаютъ въ душѣ своей чувство зависти; но вотъ — оборотъ комѣса и взѣрѣніи этихъ багровѣтѣй отчаяніе въ своихъ душахъ тоже чувствуетъ видѣликъ, которому, если и не придется никогда подниматься по мраморнымъ ступенямъ своего дворца, то, за то не придется опозоренному на вѣки-вѣчные спускаться по ступениямъ, ведущимъ отверженцовъ общества въ каражмы работы.

Графъ самый крупный, который наблюдали когда либо, вынырнулъ, прошедшими зѣтомъ, въ Новую Англию. Одна градина вѣсна 3/4 фунта и имѣла одинъ дѣбль въ объемѣ. Оно упала въ Нордэмптонъ, въ штатѣ Массачусетъ, и по прошествіи шести часовъ, несмотря на теплоту солнца, еще не растаяла.

Игровой домъ въ Гонконгѣ. Извѣстно, что англичане, у себя дома, всякое, даже самое невинное, удовольствіе по воскресеньямъ запрещаютъ, считая это болготривальнымъ, и въ своей странѣ не терпятъ ни лоттерій, ни зеленого стола. Но вслѣду туристи случалось видѣть, въ Эмбъ и Баденъ-Баденъ, что строгая правнственность Джона Буля здесь измѣняетъ ему. Поэтому покажется не слишкомъ удивительнымъ, что англичане, лицоно зеленого стола въ отечествѣ, устроили свой собственный игровой домъ въ Гонконгѣ. Если есть чему удивляться, то это тому, что подобные дома устраиваются съ разрѣшеніемъ высоконравственнаго англійскаго правительства, изъвлекающаго выгоду изъ подобного рода занедѣй. «Overland China Mail» говоритъ, что въ

казенномъ домѣ, въ Гонконгѣ, 12 января, концессіи на игорные дома публично продавались тому, кто больше дастъ. Больше всѣхъ предложилъ Но-А-Синъ, владѣцъ Гимпъ-Конга, а именно: 15,800 долларовъ изъ мѣсяца или 2,500 долларами болѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Объясненіе вырезной выкройки № 6.

1. Кофточка очень проста и не требуетъ особыхъ объясненій. Лицевая же нѣшколька, бахрома тоже.

2. Тюнингъ слайдъ состоять изъ двухъ круглыхъ листовъ, которые извѣстно сшиваются между собою до вырѣзки на выкройку и эта сшитая часть захватывается тремя складками, чтобы образовать подборъ. На складкахъ нацинается большой бантик. Передъ тюнингомъ съ болту имѣеть выемку и потому отично лежитъ на болту. Заднее полотнище пришивается къ этой выемѣ въ сборку. Подборъ дѣлается также посредствомъ складки и прикрывается бантомъ. Тюнингъ привинчивается къ поясу складками и застегивается спереди. У застежки бантикъ.

Продолженіе описания рисунковъ № 21.

Рис. 68—69. Сердцевидный воротник пиджакъ двухъ отдѣльныхъ частейми финно. Каждая часть финно, слайдъ, какъ видно, скрѣпленъ бахромой, а наперевѣтъ скрѣпляется на подобіи пуговицъ; отъ дѣлается изъ косой шелковой ткани въ 54 цент. длиною и въ 34 ширину, изъ которой вырезается 17 ширинами, по 14 цент. шириной, съ бахромой въ 10 цент. длины, и изъ 50 цент. обѣими изъ скрученныхъ падающихъ косой полосами въ 34 цент. длиною и въ 9 ширину. Отѣдѣла рукава съ скрученными падающими косой полосами въ 34 цент. длиною и въ 9 ширину. Рукава сшиты изъ 140 цент. обѣими изъ скрученныхъ косой полосами въ 8 и 9 цент. бахромой длины, которые, отстегнувшись на 68 цент., сдвигаются съ обѣихъ сторонъ бахромы, разѣрываютъ въ 22 цент. глубину. Переднее полотнище, распредѣленное, какъ видно, простроченными складками, имѣеть 64 цент. средней и 60 бахромой длины, при 135 цент. ширинѣ въ 14 цент. верхней шириной. Брюки сшиты изъ 140 цент. обѣими изъ скрученныхъ косой полосами въ 34 цент. длиною, съ 7 ширинами, изъ которыхъ 5 изъ скрученныхъ косой полосами въ 34 цент. длиною, 2 изъ скрученныхъ косой полосами въ 17 цент. шириной. Красная бахрома состоитъ изъ задней полосы въ 17 цент. длины, изъ которой вырезается 10 ширинами, изъ которыхъ 8 изъ скрученныхъ косой полосами въ 17 цент. шириной, 2 изъ скрученныхъ косой полосами въ 7 цент. шириной. Красная бахрома состоитъ изъ задней полосы въ 17 цент. длины, изъ которой вырезается 10 ширинами, изъ которыхъ 8 изъ скрученныхъ косой полосами въ 17 цент. шириной, 2 изъ скрученныхъ косой полосами въ 7 цент. шириной.

Рис. 70—71. Жилетъ изъ зеленої шелковой материи въ 10 цент. средней и 7 шириной, имѣющей изъ зеленої шелковой полосы въ 7 цент. шириной. Красная бахрома состоится изъ задней полосы въ 17 цент. длины, изъ которой вырезается 10 ширинами, изъ которыхъ 8 изъ скрученныхъ косой полосами въ 17 цент. шириной, 2 изъ скрученныхъ косой полосами въ 7 цент. шириной.

Рѣзецъ для сниманія рисунковъ и выкроекъ продаются въ Конторѣ Редакціи журнала «Модный Свѣтъ» у издателя Германа Гонне, по Большой Садовой ул., д. Ильина, № 16.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 р.

(301)

ВЪ КОНТОРЬ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

ГЕРМАНА ГОННЕ,

Бѣ С.-Петербургѣ,

на Большой Садовой улѣнѣ, д. Ильина, № 16,

Продаются слѣдующія изданія:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ.

GUIDE DU VOYAGEUR EN RUSSIE
par J. BASTIN.

ST.—PETERSBOURG,

ses environs immédiats et ses résidences impériales; Schlusselbourg et les îles du Ladoga, Moscou, Novgorod, Nijni-Novgorod, Kazan, Toula, Orel, Koursk, Kharkov, Poltava, Kieff, Odessa, la Crimée, Réval, Riga, Narva, Viborg, Helsingfors, Varsovie etc.

avec notices historiques, statistiques, littéraires etc..

L'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St.-Petersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de conversation franÃ§aise-russe.

Въ англійскомъ переплетѣ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп. (297)

Табель домовъ города С.-Петербургъ,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтой,

составленная по направлению улицъ и указывающая, чей домъ и въ какой части и въ которомъ кварталѣ состоится. Съ приложеніемъ

ПЛАНА ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб. сер.

(298)

Табель домовъ города Москвы,

составленная по направлению улицъ и указывающая, чей домъ и въ какой части и въ которомъ кварталѣ состоится. Съ приложеніемъ

ПЛАНА ГОРОДА МОСКВЫ.

12 листовъ печати. Цѣна 75 коп.; съ перес. 1 руб. сер.

(299)

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ.

DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этот заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю тщательно исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цена Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя Германа Гонпе, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16. (300).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВСАДНИКЪ БЕЗЪ ГОЛОВЫ.

РОМАНЪ ИЗЪ ТЕХАССКОЙ ПУСТЫНИ.

Капитана Майн-Рида.

Ь 2-ХЪ ЧАСТИХЪ.

24 листа печати, въ 8 д. л. Цена 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. с.

Романъ этотъ лучшее произведение известнаго англійскаго писателя Майн-Рида; въ Англіи онъ былъ изданъ въ 8-ми изданіяхъ и всѣ изданія эти распроданы до посыденія экземпляра. Содержаніе «Всадникъ безъ головы» способно заинтересовать не только молодого человѣка, но и человѣка пожилыхъ лѣтъ. Благодаря своей богатой фантазіи, Майн-Ридъ наполнилъ страницы романа сценами, могущими привлечь вниманіе читателя.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ Контору издателя ГЕРМАНА ГОНПЕ, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Ильина № 16. (296)

Хромолитографированный
СТВІННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1871 г.,

на лучшей плотной бумагѣ. Цѣна 10 коп.; съ перес. 20 коп.

(Издание Германа Гонпе, на Большой Садовой ул., № 16, въ С.-Петербурге). (302)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ

ВСЕРОССІЙСКОЙ

Мануфактурной Выставки

1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ

76 изящно исполненныхъ рисунковъ

съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описание этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представлявшихъ свои произведения; указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ и пр. и пр.

АЛЬБОМЪ

МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

ВОСПОМИНАНИЕ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА

и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для посѣщенной цѣли имѣются экземпляры въ коленкоровомъ переплѣте съ золотыми тисненіями.

ЦІНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКИ:

Безъ переплѣта и перес. 4 руб.; съ пересыпкой 5 руб.

Въ коленкор. переплѣтѣ 5 руб.; съ пересыпкой 6 руб.

■■■ Требованія адресовать въ Контору Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» (Германа Гонпе), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ. (295)

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ

РОСКОШНЫЙ

ДОКУМЕНТЪ ДЛЯ ПРЕВІДЕТА

ПО ПРОБОТѢ МИССІОНЪРЪ И ЗАКАЗАТЬ